

Константин ЛОГИНОВ

г. Петрозаводск

СЕРДЦЕ СЕВЕРЯНИНА РАДУЕТСЯ

**Об историко-этнографическом романе
А. Фарутина «Во имя твое...»**

Андрей Фарутин – достаточно известная фигура в общественной и журналистской среде Карелии. Наверное, совсем не зря на излете советской эпохи, когда поощрять творческую инициативу и новаторство стало наконец-то модным, замеченного по глубоким публикациям во всесоюзном журнале «Смена» молодого журналиста назначили главным редактором республиканской молодежной газеты Карелии «Комсомолец», которую он в годы перестройки сделал весьма популярным изданием. Позже его аналитический ум оказался востребован московской «Независимой газетой», собственным корреспондентом которой в северной республике А. Фарутин работал девять лет. Уже в начале XXI века за вклад в развитие карельской прессы он получил звание «Заслуженный журналист РК».

Взяться за написание исторического романа – это тоже в некотором роде смелость. Начнут сравнивать с Алексеем Толстым, Валентином Пикулем, Дмитрием Балашовым... На фоне таких классиков жанра попытаться выглядеть хотя бы середнячком – довольно рискованно для представителя провинциальной пишущей братии.

Стоп, а разве Дмитрий Балашов не наш – не из карельских литераторов? Точно – наш! Он писал, когда жил в Петрозаводске и работал в Институте языка, литературы, истории Карельского филиала Академии наук СССР и когда ютился с семьей в старом крестьянском доме на берегу озера, а местные власти никак не могли обеспечить его избу электричеством. Хорошо знать, что у тебя в числе предшественников был земляк, состоявшийся писатель, романист-историк. А как насчет комплекса неполноценности от того, что сам Алексей Толстой уже почтил своим пером и саму эпоху, и даже, пусть частично, территорию, на которой разворачиваются события задуманного тобой романа? Похоже, Андрей Фарутин увидел некоторые неточности в широких исторических мазках А. Толстого и потому решил подправить их в своем повествовании.

Еще представляется, что на созидание этого романа А. Фарутин подвигнул редкий в наши дни опыт тесного общения с пусть современной, но все же монастырской братией (речь идет о его паломничестве в расположенный в Пудожском крае, как раз близко к Водлозеру, отдаленный Муромский монастырь в 1997 году). Заметно, что автора тянет в глубокие дискуссии и раздумья по поводу того, как и почему единая православная конфессия на Руси подверглась трехсотлетнему расколу, как удавалось выживать «древлеотеческому» православию в условиях неограниченной власти российских самодержцев. Духовные истоки отразились в самом названии произведения «Во имя твое...». В любом случае автор – молодец, что выбрал ареной для деяний своих героев узкий отрезок переломной исторической эпохи с конца 1699-го (в прологе) по август 1703 года (не считая короткого возвращения в эпилоге к основной канве событий спустя 30 лет). Тогда главные действия отечественной истории разворачивались именно на Русском Севере.

Откровенно признаюсь, мое сердце северянина радуется созданию романа, главные герои которого живут, страдают, преодолевают житейские и духовные трудности на территориях исконного Русского Севера – ныне Вологодской, Архангельской, Ленинградской областей и Республики Карелия. И лишь один постепенно затухающий мотив из разбойного разинского прошлого деда главного героя порой уводит читателя в Поволжье и на Хвалынское (Каспийское) море.

Важно, что события романа вовсе не перепевают содержание толстовского «Петра Первого». Более того, за словесной каймой повествования легко обнаруживается, как много сил автор отдал поиску нужных ему исторических сведений. Добытые данные он применяет дозированно и умело. Так, что действующие лица в ряде случаев обрисовываются под своими историческими фамилиями, совершают действия, зафиксированные в исторических

документах конца XVII – начала XVIII века. Личность Петра Первого автора романа занимает ничуть не более, чем фигуры его фаворита Александра Меншикова или сержанта-преображенца Михаила Щепотева. Да и не они главные действующие лица повествования. Однако настойчиво проводимая автором идея, что царь Петр в 1702 году сознательно увел царский двор со всеми иностранными посланниками в Архангельск (якобы для отражения шведского десанта или организации своей десантной операции в северной части Норвегии, а на самом деле – чтобы найти способ проложить по карельской тайге незабвенную Осудареву дорогу и организовать неожиданно мощную атаку ключевой шведской крепости Нотебург в истоке Невы), еще более возвышает образ великого русского царя. Пожалуй, и для наших дней эта идея очень актуальна. Она играет на формирование позитивной русской ментальности. Сильный и умный русский царь правит не менее славным и умным народом. Каждый юный северянин, не обязательно даже русский по национальности, прочитав роман, непременно пронесет эту идею через всю жизнь.

Главный герой выбран для романа очень верно. Илья – внук чудской ведуньи и русского авантюриста из народа. Его дед волею судьбы избежал неминуемой казни за участие в восстании донского казака Степана Разина, а после того заматерел, став удачливым купцом, передавшим налаженное торговое дело сыну и внуку, который теперь решает стоящую перед ним дилемму: пойти по пути духовного развития или по примеру старших родичей зарабатывать опасную в его эпоху купеческую копейку. Благодаря отцовскому капиталу Илья не стеснен в средствах и времени на выбор жизненного пути. В этом он уподобляется сказочному Ивану-царевичу, ибо никому другому в реальной жизни не дано достаточно много времени на определение житейских ориентиров.

В первой части романа живописно обрисовываются природа и социальные условия, в которых проходит жизнь простолюдинов в окрестностях Шексны и Вологды. Точно подмечены этнические особенности обычаев белозерских чухарей и приметы времени, связанные с бытованием тайных староверов, с неоднозначным отношением народа к Петровским реформам, с переходом служилого сословия от ношения стрелецких кафтанов к новому обмундированию и т.д. Немало автор пишет о том, какую пищу вкушали его герои в зависимости от постного или скоромного периода времени. Не иначе сам натерпелся, в строгости соблюдая все тонкости исполнения церковных предписаний и запретов в области повседневной

и праздничной пищи. Так что в этом плане он весьма компетентен, достоверен доподлинно.

О достоинствах второй части произведения мне судить сложно. Хоть не раз приходилось бывать в этнографических экспедициях на Нижнем Выге, в окрестностях Выгозера, в Данилове и Горелове, с географией субрегиона не по атласу знаком, собственными ногами протопал там много километров. Но в деталях знаменитого петровского похода по Карелии и особенно в вопросах тонкостей догматики – как старообрядческой, так и официально православной – я, признаюсь, не силен. Тут остается довериться другим важным источникам, к которым явно обращался романист, – прежде всего к широко известной «Истории Выговской пустыни» летописца Даниловского староверского монастыря Ивана Филиппова, к поэтичному сборнику народных сказов о Петре Первом карельского писателя Виктора Пулькина «Царские персты», к другим публикациям о легендарной Выгореции и проходившей рядом с ней Осударевой дороге.

Чувствуется, что автор романа остается твердым последователем русского православия, но также находит художественные средства для создания у читателя сочувствия миру трудолюбивых, пусть и «упертых», раскольников. Теперь, когда уже состоялось примирение двух русских церквей, мирскому населению Русского Севера нет причин конфликтовать по поводу конфессиональных разногласий единой церкви. Хвала романисту, что он в этих тонкостях понимает больше, чем многие рядовые верующие.

В третьей части, уже выполнив непростое поручение отца, главный герой отправляется в восточную сторону, чтобы повидать мир отдаленной таежной глубинки и приглянувшуюся ему в Данилове водлозерочку Дарью. Прибыв в Водлозерье незадолго до Рождества, молодой купец с головой окунается в простонародную крестьянскую жизнь, участвует в магических сельских ритуалах, выслушивает множество народных легенд, знакомится с дружественным карельским ведуном, едва не оказывается свидетелем злого «шишкования» кенозерского колдуна-порчельника. Исторические и фольклорно-этнографические реалии Водлозерья в романе передаются исключительно достоверно. Сразу видно, что автор почерпнул немало личных впечатлений из опыта полугодовой работы в Водлозерском национальном парке, а позже серьезно покорпел над замечательным сборником В. П. Кузнецовой «Памятники русского фольклора. Водлозерские былички», да и над моими монографиями «Этнолокальная группа русских Водлозерья» и «Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обычаи, обряды и

конфликты». Думается, будет нелишним, чтобы земляки-северяне, да и просто читатели из других городов и весей России, если им повезет прочесть этот роман, смогли окунуться в волшебный мир былого русского Рождества, поразмыслить об особенностях досюльных гаданий, старинных предсвадебных и свадебных обрядов. Наверное, охотников читать специальную научную литературу было и будет не так уж много. Другое дело – исторический роман. Романами можно зачитываться взахлеб, постигая попутно этнографическую и фольклорную премудрость на одном дыхании.

Историю любви главного героя и лесной девы Лесии тоже можно считать происходящей из корней своеобразного регионального фольклора, как одно из преданий, сложившихся по рассказам ведуна Пеши Корелянина. Даже в наши дни на Водлозере живут женщины, утверждающие, что становились объектами плотского вожделения домовых и лесных духов, а мужья этих водлозерок подтверждают, что лично видели духов в человеческом обличье в своем доме или в лесной избушке. Правда, мы, читатели, данным опытом совершенно не располагаем. Да и детки от то ли плотского, то ли мнимого сожителства земных женщин с духами, по их же утверждениям, живут в параллельном мире, и лишь изредка слышно, как они зовут: «Забери меня отсюда, мама».

Однако же, заметим, что впечатления Ильи о встречах с потусторонними духами Водлозерья вполне созвучны переживаниям героев местных быличек. К тому же возможность его общения с домовыми, водяными, лешими обосновывается встречаемыми авторскими аргументами. Во-первых, приоткрывающим спрятанный от других людей потаенный мир внутренним магическим наследием от чухонс-

кой прабабки-ведуньи. Во-вторых, выпавшим на его долю испытанием крепости в христианской вере определенного роком избранника. Потому заключительные главы и эпилог, в которых столь поэтично воспевается великое чувство Любви, ничуть не выглядят отступлением от исторической подлинности романа. Как и в иных похожих случаях. Например, известно, что кабаны в окрестностях Водлозера действительно водились в первой половине периода неолита, а затем снова появились, возможно, лишь в 1970-е годы. Но как славно охота на кабанов описана! Такое живописание украсит любое художественное произведение. Тем паче что для более южных районов России оно исторически верно.

Язык романа А. Фарутина тоже весьма своеобразен. Многие герои легкоузнаваемы, словно в реальной жизни, по ярким речевым характеристикам – свойственным им шуткам, прибауткам, приговоркам, в значительной мере почерпнутым из фольклорных кладовых. Довольно часто, пусть явно чаще, чем в жизни, иные говорят складными, рифмованными идиомами. В этом проявляется уже и поэтический талант автора.

Пожалуй, с поставленными перед собой задачами романист справился, о чем также свидетельствует наличие богатого «Словаря: значения устаревших и диалектных слов». Словарь вполне исчерпывающий, хотя некоторые северорусские слова южнорусскому читателю будут все же не очень знакомы.

Главное, что роман состоялся. Он обладает несомненными художественными достоинствами, безусловной исторической достоверностью, добротным знанием местного этнографического материала и фольклора.

Константин Кузьмич ЛОГИНОВ

родился в 1952 году в Вытегре Вологодской области.

Окончил исторический факультет

Ленинградского государственного университета.

С 1984 года работает в Институте языка, литературы, истории Карельского научного центра РАН.

Ныне – старший научный сотрудник ИЯЛИ.

Ученый-этнограф, кандидат исторических наук, знаток народных обычаев и обрядов Русского Севера.

Автор монографий «Этнолокальная группа русских Водлозерья»,

«Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обычаи, обряды и конфликты», ряда других научных работ и статей по этнографии русских и карелов Карелии.

